

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мэри Роуз Блэк

Душа

Мэри Роуз Блэк
Душа
Серия «Очертания», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51851246

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06896-4

Аннотация

Прочти. Может быть, что-то такое ты тоже чувствовал. Я без страха рассказываю тебе свою историю. Вру, конечно. Ты не знаешь меня, я не знаю тебя. Незнакомцам легче делиться друг с другом душами. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Крик	6
Глава 1. Дружба?	7
Глава 2. Любовь?	13
Глава 3. Мечта	18
Глава 4. Красный	24
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Talis qualis. Такая, какая есть.

Пролог

Не знаю, что вынудило меня поступить именно так, но важен лишь результат, а я не детектив, чтобы расследовать это. Но кого я обманываю – я знаю, *почему* так вышло.

Можно подумать, это моя вина. Ха, слишком просто было бы. Корни намного глубже. Поэтому мне надо вернуться в самое начало. Да, именно в тот день. Наверное, тогда упала первая костяшка домино...

Часть 1. Крик

Говорят, что в детстве мы являем миру свою суть. Детей не сдерживают – пока что – нормы общества. Дети свободны, счастливы. Говорят, что именно в период с семи до четырнадцати лет в нас закладываются самые важные основы, которые станут фундаментом взрослой жизни.

Я заложила себе хороший фундамент. Но потом пришли они и начали наслаивать на него свой, через трещины вливая инородный раствор. Фундамент получился крепким. Я стала этим фундаментом. И они не возлюбили своё детище.

Глава 1. Дружба?

Это был самый обычный для меня день. Я даже не могу понять, что могло послужить произошедшему. Но, как я уже сказала, моей вины в этом нет. Так я думала и тогда.

Вечер. Подрагивающий мотор автобуса мурлычет железом. Сонные лица пассажиров безразличны и холодны. Сажу и пытаюсь разглядеть отражение в чёрном океане окна. Ночные фонари автотрассы в точном порядке проносятся мимо моего носа.

Руки обнимают рюкзак. Тубус с бумагами сжимают ноги. На руках следы краски. Сегодня преподаватель учил нас приёмам композиции при написании интерьера.

Напротив меня сидят Сидни Джонсон и Терри Кейдж. Обычно мы с Сидни держимся вместе, пусть ей и четырнадцать, но мы подружились. Больше я никого не знала со своего квартала. Мать сказала, чтобы я держалась вместе с ней, ещё когда первый раз сажала меня в автобус. Уже два года прошло.

Сидни о чём-то шепчется с Терри. Обе смеются. Терри – она недавно начала брать уроки фортепиано – изредка поднимает на меня глаза. Делаю вид, что не заинтересована их беседой. Пожилая женщина рядом со мной похрапывает. Ненавижу парные сидения, развёрнутые друг к другу, ибо весь автобус видит меня.

На глаза давит усталость. Морщю лоб и растираю рукой, но мышцы так и не расслабляются, словно их гвоздями прибили в том положении, в котором они сейчас находятся.

Автобус резко тормозит на светофоре, я вздрагиваю и чуть не роняю рюкзак. Шапка надвигается мне практически на глаза, которые я прикрепляю к лицу Терри, что теперь в упор смотрит на меня с презренной улыбкой. После же она поворачивается к Сидни и начинает морщить лоб. Её лицо выглядит таким глупым с этим полуоткрытым рыбьим ртом, что я...

– И ещё вот так делает. – Терри хлопает глазами на веснушчатом лице. Сид мельком бросает на меня взгляд и смеётся в ладошку. Внутри меня что-то разливается. Что-то горькое и холодное заполняет живот. – Больная.

Они смеются и продолжают гримасничать. В чёрном окне я вижу свою остановку.

Когда я встаю с места и быстро бреду к выходу, никаких слов не вырывается из моего рта. Как и в мой адрес, ведь обычно мы прощаемся. Протискиваюсь между мужчиной в коричневой дублёнке и женщиной в шубе, оказываюсь на платформе. Снег тихо падает на асфальт. Прямо у фонаря он похож на комаров, которые танцуют на его свету летом.

Я не смотрю на те места, где сидят кривляющиеся девочки. Разворачиваюсь и с хрустом по снегу иду в сторону своего дома. Дыхание застывает в воздухе холодного февраля. Шапка давит на лоб, мне сильно хочется её сбросить, так на-

пряжена мимика. Несколько раз высоко поднимаю брови, и становится легче.

Дома родители – на тот момент я ещё могла их таковыми считать и называть – как всегда заняты чем-то, но, видя меня, так незаметно и тихо вошедшую в свою комнату, отвлекаются. Пока я раздеваюсь, мама молча смотрит, растирая рукой подбородок в своём красном фартуке. Я молчу. Мне не хочется говорить.

Снова глаза сковывает, я снова морщусь. Мать говорит, чтобы я шла мыть руки и садилась за стол. За приёмом пищи я наблюдаю за братом и думаю о Сидни. Давно ли она так сблизилась с Терри? Они же никогда не дружили. Что я сделала, что они начали пародировать меня? Почему моё нервный тик на фоне стресса и перенапряжения – такая большая потешность? С утра мы всю дорогу смеялись с Сидни над манерой общения одного из учителей, ничего плохого не было...

Меня треплют за рукав. Отрешаюсь от размышлений. Глаза матери строго смотрят на меня.

– Ты меня вообще слышишь? Что с тобой? – я не могу ответить, потому опускаю глаза в тарелку. Она так быстро опустела. Когда я успела всё съесть?

– Я наелась, – говорю я, вставая. Руки с тарелкой немного дрожат. Поскорее бы уйти в свою комнату.

– Врёт она, мам, – подаёт голос брат. – На самом деле она б ещё две порции таких сожрала.

Искося бросаю в него грозный взгляд. От каждодневных издёвок над моими привычками стресс и напряжение лишь усиливаются. В горле першит, я чувствую, как образуется комок – дурной знак.

Так тихо, что слышно, как часы тикают. Стены давят на меня.

– Говори же, ну, – требует ответа мать, и тут я ломаюсь. Первая судорога пробегает по моему десятилетнему телу. Первый всхлип рикошетит от стен.

– Начало-ось, – тянет брат и выходит из-за стола. Главный нытик семьи считает меня нюней и избегает подобных сцен. Я не люблю показывать свои слёзы. Я редко плачу. Возможно, это странно, но в детстве я практически не плакала, я была сильной. Сильной, такой сильной...

Но сейчас я стою в столовой с тарелкой в руке, которая умывается моим слезами, что и мыть не надо, всхлипы душат меня. В спине странное чувство, которое возникает у меня с тех пор каждый раз, когда я плачу, над фильмом или чем-то действительно плохим, чувство, которому мне сложно подобрать название. Это как будто находиться в ледяной воде, которая колет тебя, или на пронизывающем зимнем ветру, или быть на свету в темноте. Странное чувство. Холод. Желание спрятаться за чем-то. Закутаться в одеяло. В одеяло из чьих-то рук. Одиночество. Потерянность.

Слова родителей эхом доносятся до меня. Я стою, как на допросе, перед сидящими ними, судьями. Ногти впиваются

в кожу на ладонях.

– ...они д-дразнили м-меня... с-с-м-меялись надо мной. С-сидни ухмыл-лялась... – еле-еле образываю слова, пытаюсь унять стук зубов. Мне холодно. Ужасно холодно. – ...я-я им н-ничего не сделал-ла, а о-они...

Резкий взгляд матери заглядывает мне в глаза, рука ложится на плечо.

– Скажи Сидни, что она двуличная! Вот возьми и скажи прямо в лицо! – даёт мне наставления мать, понимая, что я не исполню их в силу своей застенчивости и скромности. Уже тогда у меня были все симптомы «удобного человека».

– Позвони её матери, – говорит отец, убирая со стола. – Я же завтра проведу беседу с самой Сид.

Тогда я верила, что отец меня защитит. Я *хотела* чувствовать его сильное плечо рядом. Он работал учителем в моей школе. Мои отношения всегда были лучше с ним, чем с мамой. Но как же я тогда ошибалась!..

– Не реви. Иди в свою комнату и ложись спать. Мы с папой во всём разберёмся.

И они разобрались, разобрались как *настоящие* родители, которые обеспокоены благополучием своего ребёнка. После того случая Сид перестала общаться с Терри, а сама Терри, намного её не хватило, бросила занятия музыкой. Да, я продолжила общаться с Сид до конца занятий в школе искусств. Да, я простила её. Но я не забыла. Я всегда буду помнить о её предательстве, пусть и было это в детстве, хотя она была уже

не ребёнком в свои четырнадцать с половиной. Никто в этом возрасте уже не ребёнок, у каждого своя голова на плечах.

Да, это смахивает на злопамятность. Возможно. Но я не хочу ей мстить. В моём сознании на её лице красный крест. После мы перестали общаться.

Глава 2. Любовь?

Видимо, я с самых начал не заслуживала любви. Так я повторяла себе каждый раз, когда настроение было премерзкое, когда депрессия стучала в дверь, или просто глаза видели картины нежных, любящих взаимодействий.

Я не заслуживаю любви. Но я *хочу* её. Почему я должна выделяться? В чём моя вина? Я её недостойна. Я хочу утонуть в ней. Раздвоенность преследует меня всюду.

И однажды я решила, что хочу влюбиться. Да, это произошло само собой, так же просто, как поскользнуться на гладком стекле льда. Я не жалею. Это было ещё одним уроком.

Его звали Игги. Мы были одноклассниками. Сложно теперь сказать, когда *всё* произошло, потому что я не сразу осознала, что влюбляюсь в него. Эта детская влюблённость была такой розовой, глупой, но тогда заменила мне воздух. А встречи в школе каждодневные лишь способствовали росту чувства внутри.

Я на пальцах руки могу перечесать те разы, когда взаимодействие на уроках было близким. Я полюбила парные работы. Я каждый раз всячески пыталась попасть в пару с ним. Любой ценой. Мне нужно было это.

Как-то раз, когда работа по биологии была завершена, мы бездельничали, тихо рисуя на тетрадных листках. Точнее, *он* рисовал, а я исподтишка, словно мне это совсем не интерес-

но, словно я *очень сильно* увлечена параграфом учебника, наблюдала за ним, следя за полуулыбкой на мягком лице. Кожа, персиковая, цвета парного молока или словной кости с клубничным румянцем, на носу золотая веснушчатая пыль. Тогда я считала его самым красивым, с течением времени всё переменится.

Чувствую, как пихает меня локтем, тихо двигая рисунок. Скашиваю глаза. Игги любил делать надписи в стиле граффити на стенах, вот только на стенах он их никогда не изображал, хотя точно знать этого я не могла. Сейчас же я вижу перед глазами своё имя в неровном сердечке со стрелой, вокруг что-то ещё, больше похожее на неудачные наброски, простые каракули. Я вспыхиваю, внутри всё подскакивает. Помню, что не краснела тогда. Мне *казалось* так.

Беззвучно тычет кончиком карандаша на сердечко, я немного улыбаюсь и робко поднимаю глаза на его лицо. Он что-то шепчет мне, формируя на руках сердечко. Он тогда просто пошутил, ведь любил красоваться, любил внимание, любил, когда его любили... а у меня тогда весь мир перевернулся – тот, кого любила я, *оказывается*, был ко мне также равнодушен! Звонок вырвал меня из мечтательного оценивания, дня после урока я не помню совсем.

Я сохранила листок. Он аккуратно лежал в одном из моих дневников. Долгое время я любила перечитывать свои мысли о том периоде моей жизни, смотрела на этот помятый тетрадный листок с карандашными рисунками.

Но после всё изменилось. Я перестала его любить, ибо за летние каникулы нашла новый объект любви, – мне просто всегда *нужно* любить кого-то, пусть в глупых мечтах, нереально, впустую, – и я забыла Игги, стала считать его очень не приятным, страшным – да и его пубертатный период сказался на его облике – и вообще «я не любила его, это просто мимолётное помешательство, ненастоящая любовь, да и как я могла так про него думать и что-то представлять себе?».

Мне четырнадцать, я в классе китайского языка. Народ стоит на ушах в ожидании преподавателя. Тихо сижу за своей партой на соседнем ряду, погружённая в мысли. Кто-то обращается ко мне, но я не слышу вопроса. Я до сих пор не могу вспомнить, *что* он мне тогда сказал. Что-то обидное. Это так меня расстроило, что я заплакала. Заплакала у всех на виду, проявила слабость.

Я помню, как он смеялся, когда я плакала. Шутка оказалась чёрной. Она относилась лишь ко мне. Каково же было девочкам вокруг меня – большинство парней гоняло мяч в зале – увидеть всегда весёлую, пусть и скромную, тихую, девочку в крокодильих слезах. Я помню, как лучшая подруга детства моего обнимала меня за плечи, как одна из близких одноклассниц шептала слова успокоения. Моё тело было жутко скованно, я сжимала кисти рук на коленях.

– Ты всех своими шуточками до белого каления довести можешь! – эти слова лучшей подруги я запомнила очень отчётливо, запомнила её с укоризной голос и высокий тембр,

обращённый в адрес Игги. Он стоял рядом – перестал смеяться – с непонимающим выражением лица «а что вообще тут такое и почему это я виноват?», переводя глаза из стороны в сторону.

Вижу, как он опускается рядом со мной на корточки, пытается заглянуть мне в глаза, которые я отвожу старательно, я не могу и не хочу показать ему себя такой: уязвлённой, заплаканной. Закрыв лицо руками и опустив голову, вслушиваюсь в его слова:

– Ну прости меня, пожалуйста. Я не хотел тебя обидеть, – по голосу он и правда извинялся, слова были вкрадчивыми, искренними. Сквозь пальцы я вижу его обеспокоенный взгляд. Он хочет исправить содеянное.

Тело содрогается от всхлипывания, спазм гудит в животе, я шмыгаю носом. Поднимаю голову, вытирая руками красные глаза, натягиваю на лицо улыбку, молча смотрю на Игги. Он тоже улыбается, широко. Звонок спасает меня от говорения.

Возможно, он на самом деле сожалел об этом, возможно отнёсся легкомысленно, замёл всего-навсего после себя следы. Я вновь простила ещё одного обидчика в своей жизни. Простила, но не забыла.

А через год я ясно поняла, *как* он ко мне относится, из конца комнаты наблюдая в обнимку с Сарой Элиот за мной. А я сидела за столом и просто ела. Помню, что рассказывала одну историю ребятам вокруг, они были по одну сторону, я,

с куском мясного пирога, за столом на стуле – по другую. Я была в центре внимания – втайне я всегда любила его, любила, когда смотрят лишь на меня и *только* на меня – и всем было интересно меня слушать, им нравился мой рассказ. Откусывая очередной кусок, я смотрела на Игги и Сару, хотела быть на её месте, но вместо этого лишь жевала усиленно, глотала пищевую бомбу. Я помню, как он обнимал её за талию, помню, как она играла пальцами с его волосами...

После того случая я окончательно «отключила» чувства свои к нему. Может быть, я «отключила» тогда *все* чувства, ибо на смену пришёл иной смысл жизни, я нашла новое объяснение всему, объяснение *своему* миру.

Я любила тебя, Игги. Ты никогда не знал об этом. Моя любовь бы ни к чему тебя не обязывала, ничего бы не нужно было взамен. Я всего лишь хотела знать, что она была взаимной. Я хотела бы чувствовать это каждый раз, когда я потом влюблялась.

Но каждый последующий раз я наталкивалась лишь на глухую стену, вынуждена была повернуть назад, уйти. Поэтому просто устала однажды пытаться и до самого конца школы закрылась.

Спасибо тебе, Игги. Ты первым дал понять, что я не заслуживаю любви. Это может быть похоже на драму, но что сделать, моя жизнь стала такой.

Глава 3. Мечта

Своим главным недостатком я всегда считала свой внешний вид. Это ужасное чувство – осознавать свою отличность от остального общества. Ты каждый раз наталкиваешься на своё отражение, смотришь на других, сравниваешь себя с кем-то так же часто, как дышишь, не можешь избавиться от навязчивых мыслей...

Да, я была уродкой. Я сама на себе это клеймо поставила, и – о чёрт! – как же мне после было тяжело его вырезать. Я до сих пор чувствую шрам. Дисторфофобия – штука неприятная.

Семена посеяла не я. Они были брошены очень рано, может неосознанно, не со зла, но последствия стали ужасными. *Мне* пришлось жить с ними, а не им. Уже лишь за это, за эту «любовь» я должна их ненавидеть.

Да, вот такая я сука неблагодарная, что уж сделать! Тяжело быть тварью с ранимой душой. Но факт остаётся фактом – семена бросили, они проросли, жёсткие стебли оплели мои кости, и не так-то просто я смогла их вырвать. Скажу честно: иногда небольшие травинки появляются. Вечным сторожем я слежу за почвой.

Но я увлеклась...

Следующая костяшка домино рухнула в классический для фильмов возраст – шестнадцать лет. Она дрожала, почти па-

дая, и раньше, но демаркационной линией стал именно возраст с пятнадцати по шестнадцать лет. Я тогда была в старшей школе.

Всё случилось очень просто – продолжаю восхищаться своей силой в тот период жизни – и вполне обоснованно: после урока физкультуры в бассейне я окончательно решила перестать так жить, решила перестать быть не такой, какой видела себя внутри. Решила, что заслуживаю лучшего.

Я решила, что хочу быть худой, быть красивой.

Перфекционизм и педантизм раскрылись ещё лет в тринадцать во мне, и с каждым годом давление всё усиливалось, всё готовило меня к этому решающему дню. Дело было даже не только в уроке, нет. Я бы всё равно рано или поздно к этому пришла, потому что как тут не придёшь, когда половина твоей школы – сплошные топ-модели? Они маячили у меня перед глазами *постоянно*. Это стало воздействующим фактором, я бы не смогла этого избежать. Мы живём в мире, проглоченным СМИ, информация вокруг нас просто лежит-валяется, ждёт, пока мы руки к ней протянем, возьмём с блюдечка, без усилий. И со мной это сработало.

Да, это можно назвать слабостью, отсутствием своего «я», стадным мышлением... но у каждого ведь свой мозг.

Мне жаль, конечно, что мои родственники так не считали: мой мозг они считали *своим*. Когда у собаки начинается бешенство, её сперва подвергают лечению, а в безрезультативности – пристреливают. *Venienti occurrere morbo*. Торопись

лечить болезнь вовремя. Хм, они так про меня думали?

Точкой кипения, когда изменилось моё отношение к отцу, стал такой же обычный, как и всегда, февральский день. Меня просто взяли и швырнули в кабинет директора. Кто? Отец. С того дня он перестал им быть.

Беседа длилась три урока. Я была непроницаемой, ершистой, но всё равно показала слабость, и после того дня последний кирпич во мне занял своё место в стене. Во рту был вкус предательства, вкус лакричных конфет. Меня ударили эмоционально, а дома уже и физически, покрыли речью-что-меня-в-чувство-привести-была-должна-ведь-я-же-умру и дали пощёчину. Я не плакала. Я стала сильнее.

Связь с матерью я оборвала в апреле. Она пошла дальше от той беседы у психолога в конце декабря, о которой я не вижу смысла вспоминать, ибо ничего от этого я не взяла. Странно, но я тогда на них даже не обиделась. Да, с ними поработали другие работники, они всего лишь исполняли поручения на мне. Или я не заметила – *не хотела замечать* – перемен в себе. Но, увидев приехавших по душу мою чужих женщин в деловых костюмах с папками в руках, я резко вспомнила всё, что было со стороны «родителей» до этого апрельского денька.

Как же я была ошарашена, когда эти дамы сказали, что *не видят* здесь никакой проблемы. Я помню, как одна из них, поменьше ростом и светловолосая, спрашивала «мать», с чего это та взяла, что я в шаге от голодной смерти? Я услыша-

ла, что я просто *обычная стройная девочка*. Но тупые, устаревшие установки старого поколения, что так прочно вцепились в головы моих «родственников», застилали им глаза, не могли убедить их в этом! А уж этот страх перед сплетнями, которые обо мне пускали, которые слышали «родители» ...

Почему я не могла всего лишь *сократить*, а не убрать совсем, порции своей еды и *больше* двигаться? Почему желание быть красивой, худой, более лёгкой, с размером одежды на два меньше девушкой было каким-то грехом, мать вашу?! Какого хрена они решили всё за меня?!..

Про брата я говорить не стану много: мы отделились ещё в средней школе. Не скажу, что он чем-то меня сильно обидел, но его маленькие, постоянные издёвки, в общем и целом, образовали нормальную такую папку с обидами.

Красные кресты выросли на их лицах после того, как пламя поутихло. Они просто взяли и оставили меня все потом, бросили это пустое дело. Может быть, они решили, что я ничего с собой не сделаю, что «пусть всё останется с ней вот так». Но всё осталось совсем не так. Там ещё близился конец школы. В этом тоже есть смысл. Гораздо легче вынести мусор из дома, чем прятать его по углам и щелям.

Я поняла, что никому в этом мире не могу доверять, и начала с семьи, не простила им этого. «У меня больше нет семьи», – написала я тогда в дневнике. Я и без того была *не такой* в семье, отличалась от всех своим характером. Мы ведь с самого рождения и до смерти одиноки. Я закрылась от

мира, решила, что никого не впусти в свою жизнь, но вышло так, что это распространилось, по большому счёту, на «родственников». Они встали между мной и самой главной мечтой жизни – любовь книжная была на втором месте – между моим желанием быть *собой*. Я отплачу им той же монетой в будущем.

Иногда я думаю об этом. Я не такая злая, какой могу казаться, во мне изначально было много хорошего. Иногда я думаю, что было бы, не случившись те события, что изменили меня. Я бы так и осталась ведóмой? Так бы и не узнала, *кто* я на самом деле, не узнала бы, что у меня есть внутри?

Иногда мне *хочется* жалеть об этом. Приобретение нового тела и пищевого расстройства заодно бесповоротно изменило мою жизнь. Вернуться назад невозможно. Уж я и другие «попавшиеся» знают.

Сейчас, размышляя о тех днях моей жизни, я говорю себе «спасибо». Пройдя через давление и предательство, непонимание, презрение, – восхищение тоже было, но со стороны совершенно незнакомых людей, – я поняла, что я сильная. У меня есть не только сопли внутри, а есть и железо. И пусть я не сразу нашла в себе его, но нашла же. Если бы я была слабой, я бы не сделала того, что сделаю.

Я стала такой сильной за школу. Горькие воспоминания жгут мои щёки слезами счастья. Страх исчез из моей души. Все впоследствии спрашивали, что со мной не так, почему я стала *такой*, ведь я показала своё истинное «я», которое

было *таким отвратным*, как мне довелось услышать! Люди не узнавали меня.

Ха, бешеная собака наконец сбежала из дому.

Глава 4. Красный

Приближающееся окончание школы вливало в меня вкус невероятный и самый желанный – вкус свободы. Уже тогда я начала понимать, что мне становится легче, свободнее, я не чувствовала балласта за спиной, могла сорваться и бежать, бежать без оглядки...

Середина июня, вечер выпускного. Я стою перед зеркалом, разглядываю себя, в глазах горит огонь. Этот день я и все они запомнят надолго.

Чёрное платье с корсетом обнимает меня железными окочками. Сияющие кристаллы отражают свет, подсвечивают мне кожу на подбородке, кружево витиевато скользит по чёрной ткани. Самый подходящий цвет, который точно не останется незамеченным в море разноцветья.

В тот день я не думала о конце его, не думала, что запомню его как-то. Да, все запоминают выпускной – он же один и на всю жизнь – все к нему усердно готовятся. Но я принадлежала к числу ребят, которым было как-то плевать на него, и я могла б вообще не идти на него, но в самый последний момент передумала. Я хотела, чтобы все запомнили меня *такой*.

Администрация много денег вбухала в декоративное оформление, но я не смотрела по сторонам, а лишь прямо перед собой, краем глаза, конечно, оглядывая встречающих.

Мне нужно было видеть их реакцию. И – о! – она была.

Внутри всё трепетало, когда группа из семерых парней моей параллели всем скопом своим уставились на идущую, словно по подиуму, меня. Я упивалась их взглядами. Моё это кричало на весь мир. **МЕНЯ НАКОНЕЦ УВИДЕЛИ!**

Одноклассницы о чём-то болтают, но при виде меня резко перестают и с улыбкой осматривать начинают. Мне говорят, что я *красивая*. В их глазах горит зависть. Я вспоминаю, как они шептались у меня за спиной, как говорили гадости насчёт меня и моего похудения. Кому-то не нравилось, что я стала красивой, ведь это ещё одна конкурентка на их пути. Лишь близкие подруги поддерживали меня, в их кругу я чувствовала себя в тот период моей жизни спокойно – «семья» ж от меня отвернулась.

Игнорирую их, улыбкой показывая своеобразный средний палец, иду в самый конец зала. Разноцветные огни и музыка создают волшебную атмосферу. Я чувствую себя принцессой. Но эта принцесса очень холодная и озлобленная на всех её обидчиков. На лицах вокруг меня красные кресты.

Эми и Зои стоят в тени у стены и потягивают пунш из стаканчиков, о чём-то переговариваются. Мы обнимаемся. Всем троим нам здесь не так уж и весело. У всех троих нас нет парней. Мы лузеры по всем меркам.

– Я ничего не говорила, но Харви Басс так и прожигает твою спину, – Зои делает последний глоток из стаканчика. В чёрных глазах задор.

– Если и трахаться, то только с ним, – похотливо и мечтательно говорят Эми глаза и приглушённый голос. Она закусывает губы. – Он такой скрытный, притягательный.

– И главный хулиган школы. Ты же знаешь, что он мне *не* нравится, Зо. – Выпрямляясь, говорю я, игнорируя желание повернуться. На меня смотрят. Мне это *нравится*. Я не могу не посмотреть в ответ, не могу не задрать нос, не ощутить это чувство превосходства, не могу не потешить своё «я». Сейчас я буду играть холодную королеву, которой стала уже давно. – Я не стану спать с ним, даже если он самый красивый парень в параллели или всей школе.

Подруги фыркают, не говоря вслух: «Ну да, ну да, конечно». Подхожу к столику и наливаю себе стаканчик пунша. Странно, что учителям плевать, что в него основательно так влили водки. Неприятный вкус течёт мне в горло. Не особо жалую водку.

Всё же я оборачиваюсь. На другом конце зала, но чуть ближе к центру, в компании парней в смокингах чёрных, я замечаю наблюдающего, даже не одного. Волна мурашек прокатывается по телу. Моя кожа только что испытала оргазм. Ещё одно моё отличие от окружающих, что делает меня выродком, – постоянный фриссон, от музыки до самых простых мыслей или увиденного.

Томный взгляд Харви щупает меня. Я отвечаю ему закусыванием нижней губы. Он скидывает брови, явно не ожидая такого от тихой, неприметной девчонки. Но, эй, когда

это я последний раз была неприметной?

Харви что-то говорит другим парням, и они бросают на меня заинтересованные взгляды. Эми и Зои пялятся на меня недоумевающе.

– Пусть смотрят. Я *хочу*, чтобы на меня смотрели. Пусть эта сраная школа запомнит меня! – мы чокаемся стаканчиками, на лицах горят улыбки. Наша троица, в которой одна вечная скандалистка, попадающая в передряги, вторая – агрессивная, но очень ранимая в душе, мечтающая открыть собственную пекарню, и я, бывшая пай-девочка, брошенная, многими непонятая, бывший гадкий утёнок, ныне же холодная сука. Зои, Эми и я. Жаль, что наша дружба вскоре оборвётся жизнью.

Мы танцуем, наши тела двигаются немного чересчур резко от алкоголя, но раскованно, свободно. Свет слепит, внутри пожар. Нам хорошо...

Белый танец. Все разбиваются по парочкам. Мы остаёмся в центре зала, под самыми огнями множества лампочек из гирлянды, что здесь горят особенно ярко. Музыка стала тише, мелодичнее, мы обнимаем друг друга и кружимся. Я первой тогда заметила их.

– Не составите нам компанию, леди? – басовитый, задевающий что-то глубинное и чувственное в моём животе, голос из его пухлых губ обращён ко мне. В кофейных глазах Харви горят огни. Его рука протянута, приглашает, обещая приключение.

– Только если всем сразу, – упирает в бока руки Зои, коротко остриженные чёрные волосы немного спутаны, – а то так неинтересно, да и вы палочкой без нолика странно смотрите, красавчики.

Я улыбаюсь: всего в одном предложении она оскорбила и похвалила их, предложила компромисс. Обожаю Зою. Она стала моим первым примером внутренней силы и характера.

– Да, я тоже хочу потанцевать. – Протягивает Эмс. Из нас троих она больше всего выпила и теперь немного шатается. Я переживаю за неё. Эми тыкает пальцем в парня рядом с собой в грудь. Это Лайт Рэй. – Ты. Пошли со мной.

Чарли Твинс уводит от меня Зою, я остаюсь наедине с Харви среди парочек вокруг. Приглушённый белый свет делает черты его лица острее, на месте глаз почти чёрные дыры. Белая улыбка озаряет смуглую кожу.

– *Теперь* ты будешь танцевать со мной? Группа поддержки была ликвидирована, – шутит он. Тёмной фигурой он маячил по коридорам школы, самый взрывной и опасный, сын известного в городе отца, но не менее от этого привлекающий, Харви был объектом воздыханий многих девчонок, мечтающих о плохом мальчике. Я всегда говорила, что он мне не нравится. Мне не нравятся люди, которые считают себя лучше других, заслуженно или нет, что пытаются всячески унижить кого-то, любят доминировать, властвовать, унижать.

Говорят, что нам неприятны люди, похожие на нас. Мы

смотрим в зеркало, когда находимся рядом с ними. Я не верила этому никогда.

Когда руки Харви обнимают мою талию, а мои, в свою очередь, ложатся ему на плечи, я забываю о своей неприязни к нему. Со мной что-то происходит, когда я смотрю ему в глаза. Что-то... меняется. Он очаровывает меня, я забываюсь. И пусть с его стороны в свой адрес я никогда ничего не получала, но он издевался над Адамом Купером из моего класса, который был довольно безобидным парнишкой. И публично унизил Салли Барден за её длинный язык сплетницы, когда она заявила, что они расстаются. Я вижу всё это перед глазами, когда смотрю на него.

– Могла ли ты представить себе такое, м? – Мои глаза следят за его губами, красиво очерченными, мягкими. Чувствую, как его рука скользит по моей спине. Харви касается моего затылка. По телу бегут мурашки. Фриссон и чья-то рука в волосах всегда превращали меня в лужицу. Я становлюсь уязвимой. А я *не должна* быть такой. Никогда. Больше нет.

– А ты как думаешь? – тихо мурлычу я, не узнаю свой голос. Я слышу в нём похоть. Вспоминаю слова Эми про секс. – Харви Басс, ты определённо сделал этот вечер запоминающимся.

– Об этом ещё долго судачить будут, – он наклоняет голову и смотрит мне прямо в глаза. Внутри всё напрягается. Облизываю губы, стараясь не смазать помаду. – Но это толь-

ко начало.

– Да ну? И что же меня ждёт? – мне нравится играть в эту игру с ним, флирт захлёстывает меня, пусть и играю в первый раз. Не думала, что так просто получится. Возможно, это просто заложено в нас природой. Птицы же меняют оперение в период брачных игр.

Карие глаза скользят от моего левого глаза к правому. Уголки губ приподняты. Его рука касается моей голой шеи, указательный палец забирается за ухо, мои руки лежат на его груди, но мне хочется коснуться его лица, прорисовать полоску на скулах.

Через секунду Харви накрывает мои губы своими, и я расслабляюсь. Напряжение, словно потоком воды, смывает с меня. Горячий влажный язык засасывает мой. Я глажу его подбородок. На вкус он как виноград, такой же сладкий и терпкий.

Перевожу дыхание, отстраняясь. Он склоняется к моей правой щеке, дыхание щекочет мне ухо. Прикосновения его на моём теле жгут свежими клеймами.

– И не делай вид, что тебе не понравилось, – его шёпот возбуждает меня, но я остаюсь холодной и собранной снаружи. – Я знаю, что ты обо мне думаешь.

Нахожу его глаза, внимательно смотрю в обсидиановый агат их. Его рот полуоткрыт, приглашает продолжить. Я зеркалю его:

– А что ты думаешь обо мне? – я касаюсь губами его уха,

почти целую. Его рука сжимает мой бок, падает ниже. Он тоже завёлся. – Почему мы вообще разговариваем?

Мои слова громом прозвучали между нами. Это был спусковой крючок. И я нажала его.

Харви берёт меня за руку. Я иду за ним, видя круглые глаза окружающих. Как он и сказал, о нас будут говорить.

Белый кожаный салон греет меня, ласкает, словно любовник. Сам же любовник вытирает краешек рта большим пальцем, стирает мою помаду. Мощный движок спорткара убаюкивает. Он расстегнул ворот своей алой рубашки, делает глоток из бутылки виски. Мои ноги – туфли валяются на заднем сидении – лежат на приборной панели, платье задралось. Я смеюсь от алкоголя в крови.

Мы покинули школу и теперь катаемся по городу где-то минут двадцать. Тёплый июньский воздух бьёт из окна. Я нажимаю кнопку открытия верхнего окна. Высовываюсь наружу. Ветер продувает насквозь. Я кричу.

– Сумасшедшая! – кричит мне Харви, лезет рукой вверх по платью, пытается посадить меня обратно. Не думала, что он такой порядочный, что даже под одежду не лезет. Пока что. Я отбрасываю мысли и отдаюсь моменту. Мы летим по дороге, нам сигналият водители, огни небоскрёбов улыбаются мне. Далеко на западе я вижу следы ушедшего солнца.

Я столько переживала в тот момент. Жизнь складывается из маленьких кусочков как мозаика. Этот кусочек был ярко-красного цвета, цвета его рубашки, его машины, моей по-

мады. Я разрезала вечер, переходящий в ночь, этим красным огнём. В голове было всё и одновременно ничего. Тело было сильным и слабым одновременно. Я радовалась и плакала внутри. Но последнее мне только казалось.

Падаю обратно на сидение. В салоне непривычно тепло, даже душно. Ветер наверху уже стал мне одеждой. Чья-то рука касается моей сырой щеки.

– Ты плачешь? – его голос обеспокоенный, весь фарс испарился. Я закрываю глаза и велю себе перестать. Голова гудит. Телом правит алкоголь. Я не могу остановиться.

Машина мягко притормаживает. Я тут же начинаю скушать по её реву. Тишина больно бьёт по ушам, я хочу убежать от её нежных рук. Снова чувствую знакомый холод внутри, возвращаюсь в детство. Воспоминания проносятся в голове, как калейдоскоп, адская карусель, которую я не могу остановить. Ощущаю себя невыразимо маленькой и слабой, вижу перед собой отца, который заносит руку для удара, холодный взгляд директора, суровый взгляд матери, насмешливую улыбку Игги...

Хлопает дверь. Меня обвивают руки. Я хочу и не хочу оттолкнуть их. Хочется сбежать от него и позволить утешить. Я велю себе перестать, но лишь больше реву. У меня самая настоящая истерика.

Перед глазами его красная рубашка. Наверное, она уже вся сырая от моих слёз. Меня несут. Здесь темно и тихо.

– Что же у тебя случилось, что ты так наизнанку себя вы-

ворачиваешь? – доносится голос Харви издалека, хотя его лицо всего в сантиметре от моего. Я свернулась клубочком на его руках. Тело начинает дрожать.

Оказываюсь на чём-то мягком. Чей-то мех, белый, длинный. В темноте зажигается огонь, и сперва мне кажется, что это мираж, и мы всего лишь проехали на красный свет светофора. Тру глаза. На плечи ложится приятно пахнущий плед. Опускаю голову на колени.

Я не думала, что так позволю себе расклеиться, но забыла учесть влияние алкоголя. Я забыла, что он не просто расслабляет, веселит, но и «отключает» управление. Я расслабилась, и потому мои барьеры тоже упали, потому что я отпустила контроль.

– Расскажи мне, – самым мягким голосом, который я когда-либо слышала в своей жизни, голосом, который обращался *лишь* ко мне, Харви начинает вырывать меня из своей же головы. Я сопротивляюсь, сильно сжимаю кулаки, ногти впиваются в кожу до крови. Даже боль не даёт мне успокоиться.

Его руки обвивают меня, я вижу перед собой его грудь с этой сырой алой рубашкой. Снова жмурюсь от слёз.

– Пожалуйста, – просит он, притягивает к себе меня. Утыкаюсь ему лицом в шею, полубоком прижимаюсь к горячему телу. Он забирается ко мне под пушистый плед. – Тебе станет легче.

Я всё думала, пока он говорил, и мысли вернули мне кон-

троль над телом. Мозг начал бороться за него с алкоголем. Я смогла заглушить его влияние.

Я не сразу ответила.

– Просто знаешь, как это, жить в полном одиночестве, – начала я неумело, шмыгая носом, вытирая слёзы, что всё ещё текли из глаз неиссякаемым источником, – ты знаешь, что такое предательство? Я знаю. Я живу с ним каждый день. Я каждый день вижу его в лицах. Я каждый день вижу красные кресты вместо этих грёбанных лиц! Я каждый день запираю свои чувства на сраный стальной замок и заливаю дверь бетоном. Каждый день я чувствую, что так будет всегда.

Харви молчит. В груди всё горит. Я тяжело дышу. Слёзы перестают капать из глаз. Глубоко втягиваю в себя воздух.

– Я вижу, что пути назад у меня нет. Но я и не хочу возвращаться! Я рада, что поступила так, как поступила. Я *благодарна* себе за всё. Я смеюсь и обнимаюсь с той частью меня, что всегда жила где-то внутри. Той частью, той *мною*, которой я всегда должна была быть. *Она* не нравится остальным. Она тварь, бессердечная и холодная тварь, злобная, не принимаемая никем сука... Сука, которой я стала! Они отвергли меня! Они начали забивать гвоздь, который вылез... Они забили его чуть ли не буквально.

Всхлип. Я снова немного заплакала. Слеза упала на руку Харви, в которой он держал мою. Я поднимаю голову и нахожу его взгляд. Пламя камина отражается в них, они стали тёплыми, цвета горячего шоколада с карамелью. Он смотрит

на меня, почти не дыша.

– И самое обидное в том, что ты находишь поддержку всегда в том месте, где и не думала её искать. Ты находишь её в чужих руках, которые греют твои, в незнакомом плече на плечах и доме, где никогда не была. Ты находишь её в человеке, который никогда не привлекал тебя, о котором ты никогда и не думала даже, с которым никогда бы и не заговорила. – Смотрю я ему в глаза, не моргая. Мы оба замерли. В тишине чёрной дома лишь мы и пламя камина.

– Очень больно принимать тот факт, что самые близкие люди отвернулись от тебя, отвергли, тебе приходится отвергать их в ответ, закрываться, пряча слёзы внутри, на сто замков, приходится стать сильнее, стать человеком, который надеется *только* на себя, который с рождения и до самой смерти одинок. Мне уже не больно. Но иногда я всё же думаю об этом. Я думаю о том, кем и почему я стала. Я стала нравиться себе, им – нет. Но это неважно. Важно лишь то, что я думаю.

Я заканчиваю говорить, а Харви всё так же не отводит взгляд. Я роняю голову, но его рука перехватывает меня, касается подбородка. Теперь я смотрю, как он начинает говорить. Движения его губ, которые я недавно целовала, успокаивают, даже гипнотизируют.

– Ты можешь мне не верить, но я знаю о предательстве. Я знаю, каково это – быть тем, кого *не* видят в тебе окружающие. Ты видишь себя так, но они словно слепые или смотрят через ёбаный калейдоскоп, где всё у них приумножается

и двоится. Ты пытаешься как-то показать им себя, но их ярлык, что на тебя они повесили очень и очень давно не даёт тебе даже шанса, ты не можешь перекраситься в белый цвет, потому что тебя давно облили чёрным. Когда мне это удавалось, выходил лишь серый, который потом всё равно становился чёрным. Белого мне никогда не достичь. Это идеал. Мне они и не нужен. Я всего лишь хочу вымыться от черноты. Она меня душила, поначалу. Но после всех попыток я заставил себя полюбить этот благородный цвет, заставил себя купаться в его томном бархате, забылся в этой тени, где глаза отдыхают от света. Я понял, что всегда был *небелым*, никогда наверняка. Никто не может им быть, что бы эти говнюки высокомерные не говорили. Я тёмно-серый, я цвета индиго, дыма, пыли в углах старых домов, я облитый кислотой антрацит...

Я поднимаю руку и глажу пальцем его лицо от брови до уголка губ. Он закрывает глаза, хватает мою руку и целует кожу на внутренней стороне запястья, где вены выются причудливой сетью.

– Однажды я просто решил, что забью на их мнение, – продолжает он, вытирая дорожки слёз на моих щеках нежным и аккуратным движением пальца, – что я просто возьму и стану тем, кого они всегда видели во мне. Нет, я не подчинился, не признал тот ярлык. Нет. Я понял, что покажу себя лишь *тому*, кто это заслуживает. *Они* этого не заслужили. Я обошёлся с ними так же, как и они со мной. Я стал их ночным

кошмаром наяву. Чёрным пятном растёкся по их мнению. И они заткнулись. Каждый грёбаный ублюдок, который хоть что-то причинил мне плохого за все прожитые годы, получил по заслугам. Ты тоже можешь сделать так. Я могу научить. Я *хочу* научить тебя. Я *хочу* показать тебе себя.

Мы смотрим друг на друга. Его глаза, которые я всегда видела надменными, холодными, которые сталкивались с моими прищурено, оценивающе, сейчас светились от пламени огня, которое танцевало в них, делало тёплыми. Он показывал мне сейчас себя целиком, без шелухи, показывал себя таким, каким был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.